

ческой и деловой письменности, в разработке которых участвовал Петр: «Складывающиеся нормы и образцы новых стилей этой поры надо скорее искать в документах деловых, хотя часто и не чуждых элемента выразительности, в указах и манифестах, в ре-ляциях, памфлетах и полемических сочинениях, в „Ведомостях“ и регламентах, в сборниках чисто дидактического характера, в первых переводах научных книг и технических руководств и т. д. и т. п.».⁶⁹

Стиль деловых бумаг и писем Петра изучался до сих пор более всего как характерное явление эпохи сшибки различных языковых пластов и неупорядоченности норм словоупотребления, тогда как в нем можно найти систему определенных, скорее всего стихийно выработанных принципов.

Смещение иронической «домашней» мифологии с привычной символикой православного церковно-книжного обихода было только одной из форм выработки нового публицистического стиля. Другим образцом соединения иронии и серьезности, глубокой мысли и шутки были для Петра басни Эзопа. В сущности только басни из собственно художественной литературы входили в круг действительных интересов Петра и по его настоятельным указаниям многократно переиздавались. Только в баснях, по-видимому, Петр находил привлекавшее его сочетание искусства и пользы, образа и наставления, объединенных в шутке, остроте, каламбуре. О том, как басня входила в мир его повседневных дел и забот, дает представление рассказ Вебера, который воспроизведен у Пекарского. Вебер услышал это от посланника одной державы (Австрии), побывшего поздравлять Петра после Прутского похода: «Надежда царя на вспоможение одной державы не осуществилась, русские проиграли кампанию, заключили невыгодный мир, и тогда прибыл посланник той державы с поздравлением от имени своего государя, что Петр, своею мудростью и божеским заступлением, избежал великой опасности. Выслушав хладнокровно речь дипломата, царь, вместо ответа, спросил его, знает ли он по латине? и, получив утвердительный ответ, вынес из кабинета экземпляр басен Эзопа, нашел в них басню „Козел и Лиса“ (которые оба попали в колодезь, но лиса выбралась оттуда по рогам козла и стала над ним смеяться) и, указав это посланнику, покинул его со словами: „Желаю вам покойной ночи!“ Я слышал, — прибавляет Вебер, — этот рассказ от самого посланника, еще и теперь здравствующего и сделавшегося известным министром».⁷⁰

Любовь Петра к Эзопу, к басенному иносказанию и басенной шутке, к ироническому осмыслению бытовых и политических ситуа-

⁶⁹ Ю. С. Сорокин. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. (От Кантемира до Каоамзина). М.—Л., 1966, стр. 12.

⁷⁰ Цит. по кн.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России. . . т. I, стр. 22—23.